

Пугающе красивая книга — читать обязательно...

Питер Джеймс

**РАГНАР
ЙОНАССОН**

**СНЕЖНАЯ
СЛЕПОТА**

Романы **Рагнара Йонассона** были переведены на **33** языка
и проданы тиражом **более 2 000 000** экземпляров!

Звезды мирового детектива

Рагнар Йонассон
Снежная слепота

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.113.3
ББК 84(4Исл)-44

Йонассон Р.

Снежная слепота / Р. Йонассон — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20693-9

Ари Тор, молодой полицейский из Рейкьявика, приезжает в небольшой городок на севере Исландии, где никто не запирает дверей, – попасть сюда можно только через узкий тоннель в горах. Одиночество, снег и темнота бесконечной зимы затягивают Ари Тора в пучины ночных кошмаров, его одолевают воспоминания о прошлом и тоска по оставленной в Рейкьявике подруге. Он чувствует себя чужаком в этом тесном сообществе давно знакомых друг с другом людей. Но когда в снегу находят полуобнаженную женщину, истекающую кровью, а пожилой писатель замертво падает с лестницы в местном театре, Ари Тор, который ведет расследование, оказывается в самом центре этого сообщества, – и он не может доверять никому. Прошлое играет с настоящим, напряжение нарастает, а Ари Тор все глубже погружается в свою собственную тьму – ослепленный снегом, под прицелом множества глаз. Впервые на русском!

УДК 821.113.3
ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-389-20693-9

© Йонассон Р., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	29
Глава 11	34
Глава 12	35
Глава 13	40
Глава 14	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рагнар Йонассон

Снежная слепота

Ragnar Jonasson

SNJÓBLINDA

Copyright © Ragnar Jonasson, 2010

Published by agreement with Copenhagen Literary Agency ApS, Copenhagen

The Russian language publication of the book was negotiated through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с исландского Бориса Жарова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

© Б. С. Жаров, перевод, 2021

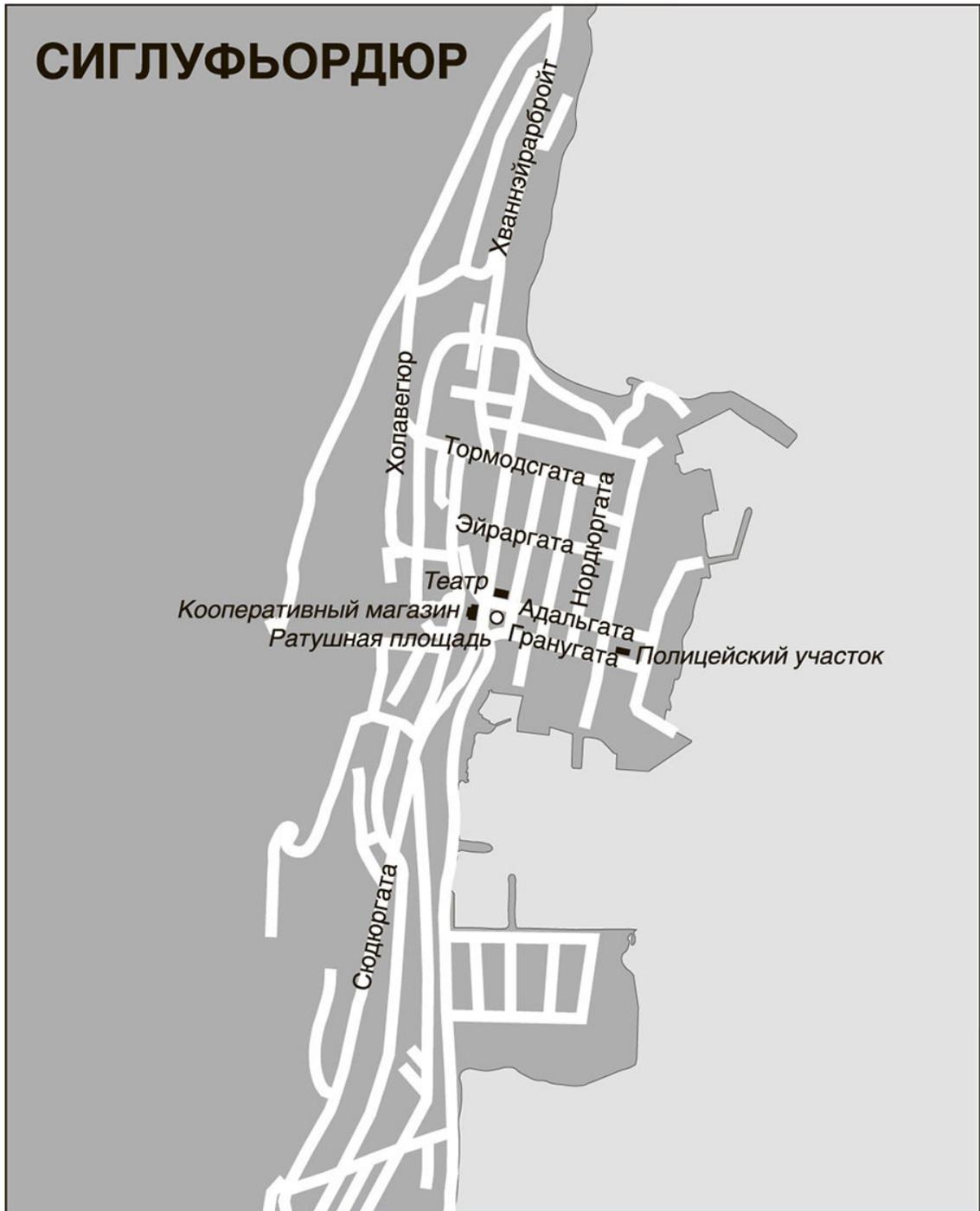
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Кире от папы

Пролог

*Сиглуфьордюр, среда,
14 января 2009 года*

Красный цвет был как крик в тишине.

Снег лежал на земле, перевозданно чистый и белый; казалось, перед ним отступала вечерняя зимняя мгла. Он шел с самого утра; снежинки, крупные и величественные, торжественно падали на землю. К ужину снегопад прекратился.

На улицах почти никого не было, горожане сидели по своим квартирам, наслаждаясь видом из окна. Кто-то из них остался дома после известия о смерти в «Актерском содружестве». Слухи об этом быстро разлетелись, атмосфера была тягостная, хотя внешне мирный облик города не изменился. Пролетавшая над городом птица не заметила бы ничего необычного, никакого напряжения, неуверенности или страха, если бы не оказалась над маленьким двориком в центре города.

Огромные деревья, окружавшие дворик, стояли в роскошных зимних уборах и в темноте являли собой фигуры то ли волшебников, то ли троллей, совершенно белые, от верхушек до самой земли, многие ветки под тяжестью снега низко опустились.

Уютный свет лился из окон домов, фонари освещали главные улицы. А в этом дворике властвовала темнота, скрывая следы того, что произошло тут совсем недавно.

Кольцо гор, защищавших город, в этот вечер было почти белым, и самые высокие вершины терялись во мгле. Словно в последние дни они не сумели выполнить своей миссии, и что-то чужое, страшное вошло в город. То, что оставалось почти невидимым, но только до этого вечера.

Она лежала в центре двора и была похожа на снежного ангела.

Хотя издали могло показаться, что тут царят мир и покой.

Руки ее были раскинуты. На ней были поношенные синие джинсы, а выше пояса она была полностью обнажена. Разметавшиеся волосы напоминали корону.

Снег никак не может быть красным.

Это ее кровь оставила на снегу красные следы.

Лицо ее быстро меняло цвет и становилось все блее по контрасту с альными пятнами на снегу.

Губы у нее посинели. Она дышала тяжело и часто.

Глаза были открыты.

Казалось, она смотрит в темное небо.

И потом эти глаза закрылись.

Глава 1

Рейкьявик, весна 2008 года

Было еще очень светло, хотя близилась полночь. Дни становились длиннее. В это время каждый день был светлее предыдущего и, казалось, нес с собой надежду на что-то лучшее. В жизни Ари Тора Арасона тоже все было прекрасно. Кристина, его девушка, наконец-то переехала к нему в маленькую квартирку на Эльдугата. Это была чистая формальность. Она и до этого почти каждую ночь проводила здесь, за исключением тех случаев, когда ей предстояло сдавать экзамен; тогда она готовилась в тишине и покое у родителей, ложась спать далеко за полночь.

Кристина вышла из душа и направилась в спальню, завернувшись в полотенце.

– О боже, до чего же я устала! Иногда понять не могу, зачем я занимаюсь этой чертовой медициной.

Ари сидел у маленького письменного стола и смотрел на нее.

– Ты будешь прекрасным врачом.

Она легла на кровать поверх белого покрывала. Ее светлые волосы струились по подушке.

Словно ангел, подумал Ари, глядя, как она мягко потянулась и затем быстро провела ладонями вдоль тела.

Словно снежный ангел.

– Спасибо, дорогой. А ты будешь прекрасным полицейским. – И, подумав, добавила: – После того, как одолеешь теологию.

Он и сам это знал. И не хотел слышать этого от нее. Сначала была философия – он ее бросил, потом теология. Ее он тоже бросил и поступил в полицейский колледж. Ари всегда искал чего-то оригинального и волнующего, что соответствовало бы его характеру. Он и теологией стал заниматься, вероятно, из желания бросить вызов Богу, которого, скорее всего, не существует. Богу, который покинул его в детстве, когда в возрасте тринадцати лет у него умерла мама, а потом бесследно исчез отец. За два года до того, как он познакомился с Кристиной, он разрешил загадку исчезновения отца, после чего в душе его воцарилось спокойствие. Затем неизвестно почему ему взбрело в голову поступить в полицейский колледж. Лучше быть полицейским, чем пастором. Благодаря колледжу он обрел прекрасную физическую форму. Занятия тяжелой атлетикой, бег, плавание не прошли даром – Ари даже стал шире в плечах. Безусловно, он никогда прежде не был в такой отличной форме, пока день и ночь корпел над пожелтевшими богословскими талмудами.

– Да, я знаю, – ответил он, немного уязвленный. – Я помню о теологии, просто решил сделать небольшой перерыв.

– Надо приложить усилия и покончить с этим, пока еще что-то помнишь. Очень трудно будет потом восстанавливать все в памяти, если ты забросишь это на год или два, – сказала она.

Ари понимал, что у Кристины подобного опыта не было. Она всегда делала в срок то, что начинала. Каждую дисциплину изучала последовательно и скрупулезно, ничто не могло ее остановить, и теперь подходил к концу пятый год ее обучения из шести. Ари не чувствовал никакой зависти, только гордость за нее. Хотя они никогда об этом не говорили, он знал, что рано или поздно они уедут куда-нибудь за границу, где Кристина сможет продолжить образование.

Она приподняла голову над подушкой и посмотрела на Ари:

– Наверное, спальня – неподходящее место для письменного стола? Эта квартира для тебя не слишком мала?

– Мала? Нет, мне она кажется отличной – я не хочу уезжать из центра города.

– Конечно-конечно, расположение превосходное. – Кристина откинула голову на подушку.

– Она достаточно велика для нас двоих. – Ари встал. – Когда мы лежим, места нам хватает.

Он подошел к кровати, отбросил полотенце, осторожно лег сверху и поцеловал ее. Кристина ответила на поцелуй, обняла его за плечи и притянула к себе.

Глава 2

Как они могли забыть положить ей рис?

Она рассерженно схватила мобильник и позвонила в индийскую лавочку, расположенную в переулке в пяти минутах ходьбы от их просторного элегантного коттеджа. Дом был двухэтажный, из красного кирпича, с желтой, как апельсин, крышей и вместительным гаражом, на крыше которого была обустроена уютная терраса. Не дом, а мечта для большой семьи, в котором все были бы счастливы. Но теперь дети уже покинули родовое гнездо, а у нее не за горами была пенсия.

Она попыталась успокоиться, ожидая ответа по телефону. Вот ведь незадача: как она предвкушала, что сядет у телевизора и будет смотреть, как обычно в пятницу, легкую кинокомедию, перекусывая горячим карри с курицей и рисом. Сегодня вечером она была дома одна, муж – в командировке, обратно возвращается на ночном самолете и будет дома только завтра утром.

Самым неприятным было то, что продукты из индийской лавки не доставляли на дом, так что ей придется идти за рисом самой, а блюдо тем временем будет остывать. Черт! По крайней мере, на улице было тепло, и такая прогулка не составит труда.

Наконец ей ответили, после долгого ожидания, – у них было много дел. Она тут же перешла к сути и сообщила, что ей забыли добавить в карри рис. Продавец принес извинения и неуверенно предложил ей забрать рис завтра. Она решила проявить характер: объявила, что придет прямо сейчас, и двинулась в ночную тьму.

Вернувшись через десять минут с рисом, она, вопреки обыкновению, сразу нашла в сумочке ключ и приготовилась провести спокойный вечер за хорошим ужином. Но, отомкнув дверь, вдруг почувствовала за спиной чье-то незримое присутствие, и ее захлестнула волна страха.

Глава 3

Рейкьявик, весна 2008 года

Ари вошел в дом. На улице лил дождь. Ему всегда было приятно возвращаться в этот дом на Эльдугата, и особенно этим летом.

– Привет, это ты? – крикнула из спальни Кристина, где она обычно сидела за маленьким письменным столом, читая учебники по медицине, за исключением того времени, когда ей приходилось дежурить в Центральной государственной больнице.

Их жильё обрело другой характер с тех пор, как она переселилась сюда. Белые стены, которые раньше служили лишь неприметным фоном, стали вдруг ярче. В Кристине ощущалась сила, даже если она просто молча сидела за столом и читала, – сила, которой очень не хватало Ари. Иногда ему казалось, что он потерял контроль над собственной жизнью. Ему было всего лишь двадцать четыре года, но его будущее, как он себе его представлял, уже далеко не чистый лист бумаги. Он никогда не говорил с ней об этом – говорить о чувствах было не самой сильной его стороной.

Ари заглянул в спальню. Она сидела за письменным столом и читала.

Ну почему она все время читает, даже летом?

На солнце она вообще не обращала внимания, когда была занята.

– Ходить на работу и обратно – мне этого вполне достаточно для прогулки на свежем воздухе, – весело сказала Кристина, когда он предложил ей как-то в выходной день погулять по городу. В то лето у него была практика в аэропорту Кеплавик, она стала заключительным этапом его обучения в полицейском колледже.

Иногда он задумывался: как, собственно говоря, вышло, что пару лет назад он принял решение отказаться от теологии – возможно, отложить ее на время – и попытаться использовать свои таланты в каком-то другом деле? И он поступил в полицейский колледж, хотя все надо было начинать с самого начала. Он никогда не принадлежал к числу тех людей, которые любят часами корпеть над учебниками. Ему требовалось больше активности и разнообразия. Это и привлекало его в профессии полицейского. Ответственность, заряд адреналина – все эти составляющие работы в полиции ему нравились.

И вот учеба подходила к концу. Ари Тор редко задумывался о том, что будет делать потом; послал запрос в некоторые места, получил несколько отказов, но предложений работы не последовало – ни одного.

– Это я. Какие новости? – крикнул он Кристине, вешая промокшую куртку на крючок.

Затем вошел в спальню, где она сидела, погрузившись в чтение, и поцеловал в шею.

– Привет, – ответила она, продолжая читать.

– Привет. Как дела?

Кристина закрыла книгу, заложив, как обычно, нужную страницу закладкой, обернулась:

– Неплохо. Ты был в спортзале?

– Да, и чувствую себя лучше.

В этот момент раздался звонок мобильного.

Ари отошел, вынул из кармана куртки телефон и ответил.

– Ари Тор? – раздался громкий голос. – Ари Тор Арасон?

– Именно так, – настороженно ответил Ари, потому что номер был ему незнаком.

– Меня зовут Томас, я – полицейский из Сиглуфьордюра. – Голос был неприятливым.

Ари перешел на кухню, чтобы спокойно разговаривать. Он действительно посылал запрос на работу в Сиглуфьордюре, о чем не сказал Кристине. Он очень мало знал об этом городке.

Только то, что тот находится далеко на севере и до полярного круга от него ближе, чем до Рейкьявика; судя по всему, желающих поехать туда должно быть не много.

– Я могу предложить вам работу, – сказал человек на этот раз гораздо дружелюбнее.

Ари опешил. К отправке этого запроса он отнесся легкомысленно. Ему казалось, что Сиглуфьордюр был не очень подходящим местом работы.

– Да... О'кей...

– Вам придется дать мне ответ прямо сейчас, потому что претендентов очень много, и у большинства из них опыт работы в полиции гораздо больше. Но у вас зато хороший кругозор, знакомство с философией и теологией, а для полицейского в нашем маленьком сообществе это может быть очень полезным...

– Я принимаю ваше предложение, – прервал его Ари и сам удивился, как это вышло у него. – Спасибо. Я высоко ценю ваше доверие.

– Рад слышать. Для начала, скажем, на два года? – сказал Томас. – Осужденный приговаривается к двум годам лишения свободы! – Громкий смех прогрохотал по всей линии от самого Сиглуфьордюра. – А потом сможешь остаться, если захочешь. Когда приступаешь?

– Мне надо сдавать выпускные экзамены этой зимой...

– Это можно сделать и отсюда, такое уже бывало. Ну так что? В середине ноября? Хорошо познакомиться с городом именно в это время года. Солнце исчезнет до января, и откроется лыжный сезон. На лыжах кататься одно удовольствие, тут у нас скандинавские Альпы. И может, получишь отпуск на Рождество.

Ари хотел ответить, что мало интересуется лыжами, но раздумал и просто поблагодарил. Этот громкоголосый и веселый человек ему понравился.

* * *

Когда Ари вернулся в спальню, Кристина сидела, опять погрузившись в свои книги.

– Я нашел работу, – сказал он без предисловий.

Кристина повернулась к нему. Ари сдерживал улыбку.

– Что? Ты серьезно? – Закрыв книгу, она повернулась, забыв в этот раз заложить страницу закладкой. – Это прекрасно!

Кристина сияла от удовольствия. Она всегда говорила тихим, спокойным голосом, будто ее ничто не могло удивить или вывести из себя, но Ари научился распознавать ее чувства по глазам. У нее были фантастические темно-синие глаза. Они составляли резкий контраст с короткими светлыми волосами и завораживали большинство людей при первой встрече с ней. В глубине этих глаз таилась решительность и непреклонность характера: Кристина всегда знала, чего хотела.

– Да, довольно неожиданно... Мне пришлось решать сразу, потому что, когда мы все будем заканчивать учебу в декабре, предложений работы будет не так уж много...

– И где это? Здесь, в городе? Кого-то заменишь на короткий срок?

– Нет, постоянная работа, два года – минимум.

– В городе... – повторила Кристина, и, судя по выражению лица, она уже не была в этом уверена.

– Нет, не совсем...

Он запнулся, потом продолжил:

– Это на севере... Сиглуфьордюр.

Она молча смотрела на него, секунды показались ему долгими минутами.

– Сиглуфьордюр? – Кристина повысила голос, интонация говорила сама за себя.

– Да, редкая возможность, – сказал он мягко, почти умоляюще, ожидая, что она поймет, как это для него важно.

– И ты уже дал согласие? А ты не подумал, что сначала надо было посоветоваться со мной? – Она смотрела ему прямо в глаза, в ее взгляде была горечь и даже злость.

Он что, действительно пытался избежать разговора с ней, боялся показать, что способен принять самостоятельное решение, отстаивать собственную независимость?

– Очень важно не упустить своего шанса, – произнес Ари. – Если бы я сразу же не согласился, они могли бы пригласить кого-то другого.

Помолчав, он добавил, почти извиняясь:

– Они выбрали меня.

Ари отказался от философии. Потом от теологии. Рано потерял родителей, остался один в целом мире. И потом Кристина выбрала его. Он чувствовал тогда примерно то же, что и теперь.

Они выбрали меня.

Это будет его первая серьезная работа, самая ответственная. Он добился этой должности упорным трудом, приложив большие усилия, чтобы преуспеть в полицейском колледже. Почему же Кристина не радуется вместе с ним?

– Ты собираешься поехать в Сиглуфьордюр... вот так, не обсудив этого со мной, черт возьми? Скажи им, что тебе нужно все хорошенько обдумать, – сказала она ледяным тоном.

– Я не могу рисковать, понимаешь... Я потеряю работу, Кристина... Мне надо быть там в середине ноября. Последний экзамен я сдам, уже работая в Сиглуфьордюре. И вернусь на рождественские каникулы домой. А ты сама решишь, когда сможешь приехать.

– Мне нужно не только учиться, но и работать здесь, в городе, и ты сам это прекрасно знаешь. – Она встала. – Это чертовски смешно. Я думала, что мы партнеры, все делаем вместе. – Кристина опустила взгляд, пытаясь скрыть слезы. – Пойду прогуляюсь.

И быстрым шагом вышла из спальни в коридор.

Ари замер в полной растерянности.

Он хотел окликнуть ее, но услышал, как хлопнула входная дверь.

Глава 4

Сиглуфьордюр, ноябрь 2008 года

Угла, сова, на чердак залетела...

Эту строчку из детского стишка Август всегда произносил, когда они сидели вдвоем у мансардного окна в доме ее родителей в Патрексфьордюре и смотрели вниз на улицу.

Вспомнив это, она улыбнулась. Только недавно она обнаружила, что снова может улыбаться, думая о нем. В Сиглуфьордюр она переехала четыре года назад – одна.

И уже четыре года она не была в Патрексфьордюре.

Родители регулярно навещали ее, в последний раз это было в октябре; они провели здесь две недели.

Уехали к себе на запад совсем недавно.

И теперь она опять была одна.

У нее здесь появилось несколько подруг, но ни одной особенно близкой. И она никогда не говорила с ними о прошлом. Они думали, что она просто переехала сюда из Западных фьордов¹.

Угла знала, что парни в городе распускают о ней слухи, не имеющие никакого отношения к действительности. Но это ничего не значило. Она стала толстокожей. И ей было все равно, что какие-то мальчишки в Сиглуфьордюре что-то болтают. Был только один парень, мнение которого было важным для нее.

Август.

Самый красивый парень в Патрексфьордюре.

По крайней мере, в ее глазах.

Они дружили с семи лет, и в подростковом возрасте их отношения переросли во что-то более глубокое. С тех пор они стали практически неразлучны.

Угла и Август.

Их считали самой крепкой парой.

По крайней мере, в Патрексфьордюре.

Но не в Сиглуфьордюре. Здесь об этом никто ничего не знал.

Так она и хотела. Чтобы ее считали загадочной девушкой, приехавшей с запада. Пусть строят о ней догадки и говорят, что пожелают. Хотя, наверно, это было не совсем так, не все она пропускала мимо ушей. Один слух ее очень огорчал. Кроме прочего, судачили о ее распутстве. Она не понимала, откуда могла появиться эта сплетня.

Сразу после инцидента, который резко все изменил, она приняла решение уехать из Западных фьордов. Сначала ее родители были категорически против. Она еще не закончила школу, училась в предпоследнем классе гимназии в Исафьордюре.

Ей пришлось сдать весенние экзамены, и только после этого она поехала работать в Сиглуфьордюр, на рыбоперерабатывающий завод. Это не было работой ее мечты. Но, как и для большинства жителей Патрексфьордюра, рыбопереработка была для нее привычным делом. Через несколько месяцев она узнала, что в канцелярии есть свободное место. Подал заявку и получив там работу, она смогла сократить количество часов в производственном цехе и теперь половину своего времени тратила на канцелярские обязанности. Ей нужна была работа, пусть не самая интересная, и она ее нашла, потому что меньше всего ей хотелось вернуться в Патрексфьордюр, к родителям.

¹ Западные фьорды – большой полуостров на северо-западе Исландии.

Поначалу она снимала маленькую квартиру в подвальном помещении. Она ей очень нравилась, ей там было хорошо. Заведующий производством помог найти ее в качестве временного жилья, пока она не решит, сколько времени проживет в Сиглуфьордуре.

Она не сразу сообразила, кем был старик, который показывал ей жилье. Было видно, что ему за восемьдесят, но затем она решила, что ему девяносто, не меньше. А потом, конечно, ей рассказали, что этот старик был писателем Хрольвюром Кристьянссоном. Его книгу «Под сводом северных небес» все они читали в школе. Ей вспомнилось, как им было велено прочитать этот роман, написанный еще в 1941 году. Она решила тогда, что эта книга со своей невыносимой романтизацией сельской жизни наверняка давно устарела. Но оказалось, что она ошиблась. Она прочитала роман за один вечер, и у нее было ощущение, будто книга написана лишь вчера, тлен времени ее не коснулся. В классе эта книга никому особенно не понравилась – одна из многих в обязательном списке для чтения. Но Угла была ею очарована. Она не могла от нее оторваться. Видимо, по этой же причине ее переиздавали огромными тиражами в сороковые годы здесь, в Исландии, и за границей.

И вот в один ясный весенний день 2004 года она стояла лицом к лицу с автором. Приветливый, немного сутулый, хотя в молодости наверняка был стройным, высоким и импозантным. Глубокий голос. Вел себя по-отечески, хотя своих детей не имел никогда.

Он жил в красивом старом доме на улице Холавегюр с видом на фьорд. Дом ухоженный, рядом большой гараж, в котором он держал свой красный «мерседес-бенц». Подвал, который он показывал Угле, сдавался обычно рабочим, приехавшим на короткое время, иногда художникам, желавшим в тишине и покое писать горы. Хрольвюр не сдавал этот подвал кому попало, всех потенциальных квартиросъемщиков он встречал лично, беседовал с ними и иногда отказывал, если человек ему не нравился.

– Значит, ты хочешь обрабатывать рыбу? – спросил он дружелюбно, но очень громко, так что голос его разнесся по всей квартире.

Он внимательно оглядел ее с головы до ног; судя по глазам, в жизни ему много довелось испытать – и радости, и горя.

– Да, поначалу так, – ответила Угла, обращаясь скорее к полу подвального помещения, чем к нему.

– Что? Говори громче, дитя мое, – решительно сказал он.

Она повысила голос:

– Да, поначалу так.

– А твои родители знают об этом? Уж очень ты молода. – Он прищурился, щеки его округлились, казалось, он сейчас улыбнется, но он не улыбнулся.

– Да, конечно. Но все вопросы я решаю сама. – Теперь она говорила отчетливо, движения стали решительными.

– Хорошо. Я люблю людей, которые сами все решают. А кофе ты пьешь? – Его голос стал мягче.

– Да, – соврала она, решив, что обрести привычку, как все люди, пить кофе не составит труда.

Старику она явно понравилась. Она въехала в квартиру в подвале и надолго осталась там. В новое, более просторное жилье она переселилась только полтора года спустя.

Раз в неделю по вечерам они по-дружески сидели за чашечкой кофе. В общем-то, это было необязательно. Но ей казалось, что у нее есть своего рода долг перед ним. Он рассказывал о прошлом, о селедочном промысле, о последней войне, о своих поездках за границу, о конгрессах, в которых он участвовал как писатель.

И у него была цель – извлечь ее из раковины. Открыть глаза на новую жизнь.

О прошлом она с Хрольвюром не говорила. И тем более об Августе. Они беседовали о литературе и музыке. В детстве она училась музыке в Патрексфьордюре. Он просил ее поиграть для него каждый раз, когда она приходила.

И однажды, когда она закончила играть Дебюсси, он сказал:

– Почему бы тебе не повесить объявление, что ты даешь уроки музыки?

– Уроки? Но я же не учитель музыки. – Она смутилась.

– Ты хорошо играешь. Очень хорошо, так будет точнее. И можешь давать уроки для начинающих.

Он верил в нее и готов был ее поддержать. Простое знакомство перешло в настоящую дружбу.

– Можешь пользоваться моим пианино, – продолжил он.

– Я подумаю, – застенчиво ответила Угла.

Однажды, когда у нее было хорошее настроение, она повесила в магазине объявление, листок бумаги формата А4, на котором нацарапала: «Обучаю игре на пианино. Оплата по договоренности». Свой номер телефона и имя она написала внизу листка пять раз и разрешила, чтобы будущий ученик мог оторвать для себя «хвостик». Хрольвюр порадовался, узнав о такой инициативе, хотя никто к ней пока не обратился.

Они разговаривали не только о музыке; Угла призналась, что в школе в Патрексфьордюре и потом в гимназии в Исафьордюре интересовалась театром и как-то даже сама участвовала в самодеятельном спектакле. В этот июньский вечер они с Хрольвюром сидели у окна, пили кофе и хрустели «хворостом». Море было гладким как зеркало, а город сверкал, хотя солнце уже спряталось за горой и освещало лишь вершины на восточной стороне фьорда.

– Ты знаешь, что я руководитель «Актерского содружества»? – спросил он, казалось, нарочито небрежно.

– «Актерского содружества»? Неужели в Сиглуфьордюре есть театр? – Она не могла скрыть удивления.

– Не стоит недооценивать Сиглуфьордюр. Он был и до сих пор остается замечательным городом, хотя людей в нем поубавилось. И конечно, здесь есть театр. – Он улыбнулся.

Она уже привыкла к его немного грустной улыбке, за которой скрывалась настоящая сердечность.

– Это не очень большой театральный коллектив, любители, которые ставят один спектакль в год. Но раз уж я об этом вспомнил, надо будет рассказать про тебя нашему режиссеру.

– Нет-нет, не говори, я ведь не актриса, – сказала она, но поняла, что ответ ее звучит не очень убедительно.

Он, конечно, поговорит с режиссером независимо от того, согласится она или нет.

Так и случилось, и уже осенью она получила роль в одной забавной комедии.

Самым невероятным было то, что, как оказалось, на сцене она забывала обо всем на свете. Будто попадала в другой мир.

Количество зрителей не играло никакой роли. Один, два или пятьдесят – в ярком свете рампы, падавшем на сцену, это было не важно – зрительный зал тонул во мгле. На сцене она больше не была девушкой из Западных фьордов или Сиглуфьордюра. Она погружалась в текст пьесы, и чувства ее героини становились ее собственными. В такие минуты она забывала даже об Августе.

Аплодисменты в конце спектакля давали ей такую жизненную силу, что ей казалось, будто она парит над сценой. После спектакля она обычно какое-то время тихонько где-то сидела, пока к ней не возвращалось ощущение, что она вернулась на землю. И тогда мрак вокруг вновь брал над ней свою власть, как и воспоминания об Августе. Но с каждым выступлением эти ощущения становились все более терпимыми, и каждый раз требовалось немного больше времени, чтобы к ней вернулась печаль.

Театральное искусство, похоже, было той дорогой, по которой она могла выйти из мрака. Знакомство со старым писателем стало для нее источником огромного счастья. Кроме того, она понимала, что сама никогда не обратилась бы в «Актерское содружество».

Тем труднее оказалось для нее сообщить ему, что она собирается переехать. На улице Нордюргата ей предложили арендовать квартиру побольше и гораздо более удобную, причем она сдавалась вместе со всей обстановкой, включая пианино. Это все и решило. Она твердо настроилась переехать, поскольку пришло время устраиваться более основательно. Подвал, каким бы уютным он ни был, не мог служить постоянным жильем. Квартира на Нордюргата тоже не могла стать ее пристанищем на всю жизнь, но все-таки это был шаг в правильном направлении. Большая, вместительная – был даже маленький дворик и сад.

Она по-прежнему оставалась одинокой. В городе были мужчины, которых она находила привлекательными. Но что-то ее сдерживало. Может быть, воспоминания об Августе – по крайней мере, поначалу, – а может быть, потому, что она не решалась связать свою судьбу с Сиглундуром. Не хотела пускать здесь корни, во всяком случае теперь.

Общение с Хрольвюром не прервалось и после переезда. Каждую среду днем она поднималась по крутому холму от своей квартиры в центре города к его дому на Холавегюр, чтобы выпить с ним кофе, как если бы она все еще жила у него в подвале. Они болтали о том о сем, о его прошлом, о его путешествиях, о ее будущем. «Хороший старик», – часто думала она, надеясь, что впереди у него еще много лет.

Угла очень обрадовалась, когда Ульвюр, режиссер «Актерского содружества», позвонил ей как-то осенью и предложил главную роль в новой пьесе. С репетициями придется поторопиться, сообщил он, потому что спектакль надо было сыграть сразу же после Рождества, в январе. У нее дыхание перехватило от такой новости.

Главная роль! Кто бы мог поверить несколько лет тому назад, что она получит главную роль?! Правда, в самодеятельном спектакле, но все-таки... Главная роль – это всегда главная роль.

К тому же она была замечательной, самой лучшей. Пьесу написал местный автор, и никто не знал, где этот спектакль поставят потом – может быть, в Акюрейри² или на юге, в Рейкьявике.

Первая репетиция состоялась в ноябре. Она уже переехала на новую квартиру, довольная, что сумела встать на ноги. Угла много думала о том, как будет играть в новой пьесе. Шел снег. Она выглянула в окно. Снег лежал повсюду, прекрасный белый снег. Ее охватило ощущение покоя.

Она открыла двери во двор, чтобы насладиться чистым морозным воздухом, но в лицо ей ударил сильный северный ветер, и пришлось вернуться в дом.

Она сразу же подумала об Августе.

Почему это должно было случиться именно с ней? Почему он должен был умереть так внезапно? Почему ей пришлось пережить трагическую утрату в таком молодом возрасте? Это было несправедливо. Она закрыла глаза и вспомнила чердак в Патрекксфьордюре.

Угла, сова, на чердак залетела.

Кто за ней? Раз, два, три...

Ты!..

² Акюрейри – «северная столица» Исландии.

Глава 5

Ее первой реакцией был не страх, а гнев – из-за того, что она не сразу поняла, что происходит что-то неладное и кто-то подкарауливал ее тут, в темноте. Потом ее охватил ужас.

Он с силой пихнул ее к двери, зажав ей рукой рот, затем повернул ключ в замке. Дверь открылась, и, когда он втолкнул ее через дверной проем внутрь, она почти потеряла равновесие; его рука все еще крепко зажимала ей рот. Шок был настолько парализующим, что она не была уверена, хватит ли у нее сил кричать, звать на помощь, даже если он ослабит хватку. Он осторожно закрыл двери. Следующие секунды были как в тумане, словно она попала в какой-то другой мир, у нее не было сил сопротивляться.

Увидеть его лицо она не могла, потому что у нее не было возможности повернуться.

Внезапно он остановился. Секунды превратились в вечность, ничего не происходило. Ей пришло в голову, что она должна что-то предпринять. Он держал ее правой рукой, а не левой, – и она пыталась прикинуть, какие у нее шансы. Она могла бы неожиданно ударить его, пнуть, высвободиться и убежать, позвать на помощь...

И вдруг стало понятно, что уже поздно. Она слишком долго колебалась, обдумывая варианты. Следующий ход остался за ним. В руке он держал острый нож для разделки рыбы.

Глава 6

Сиглуфьордюр, ноябрь 2008 года

Маленький старый тоннель был единственной дорогой в Сиглуфьордюр, если только гости не прибывали туда морским путем или через перевал в горах, который зимой был закрыт; регулярного авиасообщения с городом тоже давным-давно не было, хотя маленький аэродром до сих пор служил посадочной площадкой для частных самолетов.

Ари Тор решил, что в таком крошечном городе ездить на автомобиле негде, поэтому свою маленькую желтую «тойоту» он оставил Кристине. Она не нашла времени, чтобы отвезти его в Сиглуфьордюр, как он ни уговаривал ее прокатиться с ним на север. Можно было бы взять отпуск, и они провели бы какое-то время вместе в тишине и покое.

Кристина была обескуражена его переездом. Хотя она почти не говорила об этом, каждый раз, после того как упоминался Сиглуфьордюр, наступало холодное молчание, и эта тема закрывалась. Они оба были заняты учебой, а Кристина вдобавок работала еще и в больнице. И все-таки Ари был очень расстроен из-за того, что она не поехала с ним. Они будут в разлуке больше месяца, вплоть до Рождества. Он пытался не думать об этом, но его разум постоянно возвращался к одному и тому же, когда он задавался вопросом: насколько высоко он находится в списке ее приоритетов? В верхней строчке? Или на втором месте после медицины? А может быть, на третьем, после учебы и работы?

Она мягко обняла его и поцеловала на прощание.

– Удачи, любовь моя, – сказала она с теплотой в голосе.

Но между ними уже была тонкая невидимая стена, он ее почувствовал, возможно, она тоже.

Томас, начальник полицейского участка в Сиглуфьордюре, приехал встретить Ари Тора на аэродром в Сойдаркрокюре, куда тот прибыл утренним рейсом из Рейкьявика.

– Рад приветствовать тебя, дружище, – сказал Томас, громкий голос которого напомнил Ари их первый разговор.

Томасу было за пятьдесят. Дружелюбное лицо, обрамленное седыми волосами – или тем, что от них оставалось. Лысина на макушке.

– Аналогично. – Ари был не в духе после тяжелого утреннего перелета.

– Ехать отсюда до Сиглуфьордюра полтора часа, но дорога ужасная, учти, может, и больше времени уйдет. Если мы вообще доедем! – И громко рассмеялся над своей шуткой.

Ари не нашелся с ответом.

Во время поездки Томас говорил мало, с решительным видом сидел за рулем, сосредоточившись на дороге, хотя наверняка ездил по ней бесчисленное количество раз.

– Вы родились здесь, на севере? – спросил Ари.

– И родился, и вырос – и никуда уезжать не собираюсь, – ответил Томас.

– А как местные относятся к приезжим?

– Мм... нормально. Надо вести себя достойно... Одни тебя примут хорошо, другие – нет... Большинство горожан уже знает про тебя и ждет с нетерпением. – Он задумался, потом добавил: – Старина Эйки, который сейчас на пенсию уходит... на его место ты и прибыл... так вот он приехал сюда, на север, кажется, в 1964 году и живет здесь с тех самых пор. И мы по-прежнему считаем его одним из понаехавших. – Томас засмеялся.

Ари пожал плечами. Правильное ли решение он принял? Забраться в какую-то дыру, о которой никогда в жизни ничего толком и не знал...

Последние несколько километров дороги, прежде чем они достигли горного тоннеля, были не похожи ни на что из того, что Ари когда-либо видел. Узкая дорога петляла по склону

горы, места для машины почти не было. Справа высились белоснежные горы, величественные и грозные, а с другой стороны был устрашающий отвесный спуск к просторам Скагафьордюра. Одна ошибка или неожиданный участок, покрытый льдом, – и завтра не случится. Возможно, к лучшему, что Кристина не поехала с ним. Он определенно волновался бы из-за того, что она отправится обратно в одиночку.

Мысли о Кристине вернули его сомнения. Почему она не взяла несколько выходных, чтобы побыть с ним? Неужели это так много?..

Ари немного расслабился, когда они наконец подъехали к тоннелю, целые и невредимые. Но его облегчение было недолгим. Он ожидал увидеть широкий, хорошо освещенный современный тоннель, но то, что лежало перед ним, выглядело устрашающе: тесный, с одно-сторонним движением. Позже Ари узнал, что строили его давно, лет сорок назад. С потолка текла вода, отчего впечатление становилось еще хуже. Ари внезапно охватило чувство, которого раньше он никогда не испытывал, – неодолимая клаустрофобия.

Он закрыл глаза и попытался отделаться от этого чувства. Он не хотел таким образом начинать свое знакомство с Сиглуфьордюром. Планировал провести здесь два года, а может, и больше. Много раз до этого Ари проезжал тоннели без какого-либо дискомфорта. Не исключено, что на него так подействовала мысль об этом изолированном фьорде, а не сам тоннель.

Он заставил себя снова открыть глаза, и в тот же момент перед ними открылся выход из тоннеля. Его сердцебиение замедлилось, и он уже совсем успокоился, когда Томас сказал:

– Добро пожаловать в Сиглуфьордюр.

Фьорд встретил их гнетущей серостью пасмурного дня. Облака и метель скрыли кольцо гор, не давая ему продемонстрировать все свое величие. Крыши городских домов казались тусклыми, а сады стояли под легким снежным покровом. Стебли травы тут и там торчали из-под снега, словно не желая мириться с приходом зимы.

– Суровая будет зима, верно? – спросил Ари, будто ему нужно было убедить себя в том, что впереди его ждут более радужные перспективы. Может, это был просто особенно мрачный день?

Томас засмеялся, услышав вопрос Ари, и ответил глубоким басом:

– Зима в Сиглуфьордюре всегда суровая.

На улицах было мало прохожих, еще меньше автомобилей. Был полдень, и Ари получил ясное представление о жизни города в середине дня.

– Как здесь тихо, – сказал он, чтобы прервать молчание. – Банковский кризис, похоже, и на вас отразился.

– Банковский кризис? Здесь ничего такого нет. Банковские проблемы остались в Рейкьявике; нас, северян, они не коснулись, – сказал Томас и выехал на Ратушную площадь в центре города. – Годы экономического бума тоже прошли стороной. – Он улыбнулся. – Нам совершенно нечего терять тут, в Сиглуфьордюре.

– Нам, студентам, тоже нечего терять, – ответил Ари.

– Все наши трудности связаны с морем, – продолжил Томас. – В старое доброе время, когда ловили много сельди, жизнь тут кипела. Но потом рыбы стало мало. Жители разъехались. Теперь здесь только тысяча двести или тысяча триста человек.

– Полагаю, тут не часто штрафуют за превышение скорости? Кажется, машин не так много, – сказал Ари.

– Видишь ли, – вид у Томаса был очень довольный, – у нас тут не принято кого-то штрафовать. Напротив. В нашей маленькой общине мы не просто полицейские. Собственно говоря, мы вообще никого не штрафуем! Ты скоро поймешь, что мы работаем здесь совсем иначе, чем вы на юге. Здесь люди гораздо ближе друг к другу. Сам увидишь.

Томас выехал на Адальгата, главную улицу; вдоль нее располагались ресторанчики, магазины и ветхие жилые дома, в которых, похоже, все еще обитали люди.

– Твой дом находится поблизости, немного левее, на Эйраргата. – Томас неопределенно махнул рукой, не сводя глаз с дороги. – Я собираюсь сначала проехать до полицейского участка, чтобы ты мог лучше тут ориентироваться.

Томас свернул направо, затем снова направо, на Гранугата, расположенную параллельно Адальгата. Потом замедлил ход.

– Хочешь заглянуть или сначала поедешь домой? – спросил он дружеским голосом.

Домой?

Опять это ощущение дискомфорта. Клаустрофобия. И как далеко... Неужели это чужое место рядом с никому не известным фьордом действительно станет его домом? И что сейчас делает Кристина – в Рейкьявике? *Дома...*

– Да, лучше сначала обустроиться, – нерешительно произнес Ари.

И они поехали на Эйраргата. Томас остановился перед старым домом, стоявшим вплотную к другому такому же строению.

– Надеюсь, что это жилье тебе подойдет, по крайней мере вначале. Дом несколько лет не использовался, но там удобно. Длительное время выставляется на продажу. Конечно, он для тебя великоват, но может быть, приедет твоя девушка – для большой семьи это прекрасный дом!

Томас заулыбался. Ари тоже попробовал улыбнуться.

– В городе можно обойтись и без автомобиля – да и вообще в этих краях он не нужен, поверь мне, – сказал Томас и пояснил: – Если захочешь съездить на юг, мы тебя подбросим до Крокюра³ или найдем попутку.

Ари окинул дом оценивающим взглядом. Поблекшая краска во многих местах давно облупилась. Дом был двухэтажный, крыша ярко-красного цвета, в этот день она почти целиком была скрыта под снегом. Внизу располагался подвал, в котором было два маленьких окна почти на уровне земли. Дверь в подвал подпирала широкая лопата с длинной ручкой.

– Тебе надо обратить внимание на эту лопату, командир. Она понадобится, чтобы пробить дорогу из дома, когда снег пойдет по-настоящему. Ты нам не очень годишься, если будешь замурован внутри! – И он добродушно рассмеялся.

Неприятности еще не кончились. Сердце у Ари екнуло.

Они стали подниматься по ступенькам к входной двери. Ари остановился.

– И чего ты ждешь? – спросил Томас. – Так и от холода окочуримся.

– У меня нет ключей, – сказал Ари.

– Ключей?! – Томас взялся за ручку, открыл дверь и вошел в прихожую. – Мы тут не запираем наружную дверь – нет такой необходимости. Здесь никогда ничего не происходит.

Он вынул из кармана связку ключей и протянул Ари.

– Мне пришло в голову, что тебе все-таки захочется иметь ключи, просто так, для надежности. – Он усмехнулся. – Увидимся позже.

Ари остался один.

Он закрыл наружную дверь, вошел в кухню и посмотрел в окно. За стеклом были видны дома. А в хорошую погоду, наверное, можно увидеть и горы.

В голове прозвучали слова Томаса.

«Здесь никогда ничего не происходит».

Зачем я сюда приехал?

Зачем я, черт побери, сюда приехал?

³ То есть Сойдарккюра, города с аэропортом.

Глава 7

Она и раньше видела ножи для разделки рыбы, у ее мужа было несколько штук. Но в таких обстоятельствах – никогда. Она обмякла, руки и ноги стали как вата, в глазах потемнело. Он ослабил хватку или выпустил ее, и она рухнула на пол.

В этот момент она его наконец увидела. На нем была потрепанная черная кожаная куртка, черные джинсы, черные кроссовки, на голове балаклава, так что видны только глаза, нос и рот. Она понимала, что это мужчина, скорее всего молодой, если судить по силе рук. Она знала, что никогда в будущем не сможет опознать его. Если останется в живых.

Она слышала, как он прошептал, чтобы она молчала, иначе ему придется воспользоваться ножом. Она ему поверила. Ее пробил холодный пот. Мысли в голове путались – что теперь будет? Черная бездна, а может быть, царствие небесное? Она лежала на полу, все тело ныло от падения, а он стоял перед ней в центре гостиной с ножом в руке.

Впервые за много лет она обратилась к Богу с молитвой.

Глава 8

Сиглуфьордюр, декабрь 2008 года

В комнате второго этажа, которую Ари избрал в качестве своей спальни, были низкие потолки. Это была не самая большая комната. Одной из причин, почему он сделал такой выбор, было то, что тут стояла односпальная кровать, а не двуспальная, которая была в другой спальне, побольше. Тем самым он как будто подчеркивал, что будет жить здесь в одиночестве.

Ари передвинул кровать так, чтобы, ложась спать и просыпаясь, можно было смотреть в окно, расположенное прямо в крыше. Хотя в любом случае он видел перед собой лишь непроглядную тьму.

Будильник зазвонил в четвертый раз. Ари потянулся к кнопке, которая дала ему еще десять драгоценных минут сновидений. Каждый раз он снова засыпал, и каждый раз ему снился новый сон, отличный от предыдущего. Это было похоже на просмотр серии короткометражных фильмов, в которых он являлся одновременно сценаристом, режиссером и исполнителем главной роли.

Было уже десять часов, а его смена начиналась в полдень. Пролетели первые две недели. Ощущение дискомфорта уменьшилось, – возможно, потому, что он старался много работать и готовиться к выпускному экзамену в полицейском колледже. Он брал все дежурства, которые ему предлагали. Лучше работать, чем страдать от клаустрофобии, лежа в одиночестве на своей кровати и глядя в черноту за окном. Тем не менее Ари предпочитал смотреть сквозь стекло, а не на голый потолок.

В плохую погоду, когда шел сильный снег, было особенно тяжело. Ари не стал подключать интернет, и для этого была причина. Он мог проверять свою электронную почту на работе и ценил возможность вернуться вечером домой – да, домой, именно так, – и побыть в тишине и покое, почти не контактируя с внешним миром. Ари нравилось готовить для себя, и через неделю он стал постоянным покупателем в маленькой, но очень приятной рыбной лавке рядом с Ратушной площадью. Он покупал там знакомую пикшу, которую его мать всегда жарила по понедельникам, и более изысканный палтус. Но больше всего ему нравилась свежая, только что выловленная форель. Он немного присыпал ее специями, заворачивал в фольгу и запекал в духовке – ровно столько, чтобы мякоть свободно отделялась от кости, не потеряв своего вкуса.

После еды Ари погружался в учебники и другие книги, которые выбирал для удовольствия. В первую же неделю он пошел в библиотеку во время перерыва на кофе и взял несколько книг, которые всегда хотел прочитать, но у него никогда не было на это времени; к ним он и обращался, когда уставал от учебников.

Там же он взял и несколько компакт-дисков с классической музыкой. Он слушал их, когда не читал и не работал, а просто сидел в темноте в гостиной и думал о Кристине, о покойных родителях, о своем одиночестве. Один вечер он провел, слушая радио, прямую трансляцию концерта Исландского симфонического оркестра. Вспоминал маму, которая погибла в автомобильной аварии, когда он был ребенком. Она играла на скрипке в симфоническом оркестре.

Ари старался обходиться без телевизора, лишь время от времени смотрел новости. Насколько он мог понять, Рейкьявик погружался в хаос после краха крупных банков, с бурными антиправительственными протестами, которые с каждым днем становились все громче.

Закончив дежурство, Ари шел домой обходным путем и ненадолго останавливался на берегу моря. Близость моря успокаивала, и он чувствовал себя лучше в этом изолированном от мира городе. Когда он стоял и смотрел на волны, то представлял себе, что он в Рейкьявике, недалеко от своей квартиры на Эльдугата. А по ночам мысли о море помогали ему отгонять тягостное ощущение замкнутого пространства.

Работа ему нравилась. Полицейский участок часто больше походил на кафе или даже клуб, чем на официальное учреждение. Туда заходили выпить кофе – иногда по несколько раз в неделю – и поболтать о том о сем. Финансовый кризис, протесты и решения правительства значились в списке любимых тем, и, конечно же, говорили о погоде. В первые дни после приезда Ари в кофейном уголке было особенно много посетителей – всем хотелось взглянуть на парнишку, приехавшего с юга.

Однажды за чашкой кофе Томас упомянул, что Ари по образованию теолог.

– Да нет... ерунда, – быстро вставил Ари.

– Но ты же изучал теологию, разве не так?

– Мм... – протянул Ари. – Я не завершил обучение. Сделал перерыв, поступил в полицейский колледж... – Он сам удивился, произнес слово «перерыв», поскольку в глубине души был уверен, что никогда больше не вернется к теологии.

– Удивительное дело! – включился в разговор их коллега Хлинюр.

Уже несколько лет он работал на севере вместе с Томасом; ему было тридцать пять лет или около того, но по внешнему виду ему давали больше, волосы реденькие, да и красотой он никогда не блистал.

– Пастор в процессе становления среди нас!

Ари ответил натянутой улыбкой, но ему было не смешно.

– Ты будешь решать проблемы, которые нам не по плечу, верно? – спросил Хлинюр. – При помощи сил небесных!

Он и Томас рассмеялись.

– Преподобный Ари Тор откроет все тайны!

После этого его стали называть все то Пастором, то Преподобным Ари Тором. Он подыгрывал, хотя ему никогда не нравились прозвища, и уж тем более ему не нравилось прозвище, созданное на основе науки, которой он занимался какое-то время спустя рукава, а потом и вовсе забросил ее.

В первый день, находясь на работе, Ари позвонил Кристине, но она не ответила. Тогда он отправил ей электронное письмо с описанием поездки на север и подробностями о Томасе и своем новом доме. О своих чувствах он писать ей не стал. А также о том, что это забытое богом место встретило его унынием и мраком. О том, что он до сих пор расстроен из-за того, что она рассердилась, узнав о его будущей работе, и не согласилась взять отпуск, чтобы поехать с ним и помочь устроиться на новом месте. Возможно, она не хотела облегчать ему жизнь. Возможно, ждала, что он вернется в Рейкьявик через несколько недель, устав от снега и одиночества.

На следующий день Ари получил от нее ответное письмо. Она писала о работе и учебе. Сообщила, что ее отец потерял место в банке, где работал много лет. Он был одним из очень многих уволенных сотрудников. Ари представил себе, как она переживает из-за этого. Вспомнил, что ее мама работает в архитектурном бюро. Судя по всему, финансовый кризис отразится и на этой отрасли. Кристине, казалось, не хотела вдаваться в детали. Письмо было коротким, рискованных тем она не коснулась.

На следующий день Ари снова позвонил ей. Он только что вернулся домой после долгого дежурства и не был расположен заниматься делами, которые на нем висели. Разговор скользил по поверхности и был лишен искренности и глубины. Ари не стал углубляться: он один избегает важных тем или они оба? Кристине по натуре была человеком спокойным, и вывести ее из душевного равновесия было непросто. Если возникали проблемы, которые будоражили Ари, то ее они, казалось, не задевали.

На протяжении следующих недель они разговаривали ежедневно, и Ари старался не показывать своего разочарования из-за того, что она не проявляет большого интереса к его новой работе. Было ощущение, что Кристине избегает этой темы, все еще раздосадованная его отъездом из Рейкьявика. Ари казалось это неправильным. Он был здесь, на новом месте, совсем

один, в то время как она осталась в Рейкьявике, с родителями и друзьями. И он был бы признателен ей за поддержку. Но вместо этого лишь короткие будничные разговоры.

И вот теперь эта новость. Была уже середина декабря; Ари прибыл в Сиглуфьордюр больше месяца назад, приближалось Рождество. Ему нужно было сообщить Кристине о решении Томаса назначить ему дежурства на период рождественских каникул, и это был не тот разговор, которого он с нетерпением ждал. Томас на самом деле сформулировал это как просьбу, но фактически у Ари не было выбора. Как новый сотрудник, он должен был согласиться.

Он начал день с мюсли, ледяного молока и вчерашней газеты. Ари уже привык к тому, что свежие газеты здесь приносят только после полудня. Ему это несколько не мешало, все тут было в одном ключе. Время течет по-другому, и меньше спешки, чем в столице. Газеты приходили – это ведь самое главное.

Ему пришлось долго ждать, пока Кристина не ответила на звонок.

– Привет, я на работе – была занята. Какие новости?

– Все прекрасно. – Он помедлил, глядя в кухонное окно. Город был завален снегом. Нигде не видно ни одной машины, да и какой в них смысл? Проехать можно разве что на внедорожнике, да и то навряд ли... Единственное, что необходимо сейчас в этом городе, – хорошие ботинки, а лучше лыжи. – У вас есть снег? У нас тут идет не переставая.

– Никакого снега здесь нет, и ветра тоже. Только холодно и ужасный гололед на дорогах. И на Рождество наверняка будет то же самое. В Рейкьявике тебе будет не хватать снега, когда приедешь.

Ари молчал, пытаясь подобрать нужные слова.

Кристина продолжила:

– Я говорила с родителями. Праздновать будем у них, все, как в прошлом году. И нам не придется покупать елку – если только ты не захочешь, чтобы дома тоже была елка...

– Послушай... Я как раз собирался поговорить с тобой об этом.

– Об этом?

– Да. Томас разговаривал со мной – мне придется немного поработать на Рождество...

Пауза.

– Немного? Как это понимать? – произнесла она сразу осипшим голосом.

– Да... в сочельник, в первый день Рождества... и еще между Рождеством и Новым годом.

Молчание стало оглушительным.

– И когда же ты собираешься приехать?

– Да... Пожалуй, лучше всего, если я приеду в начале следующего года, как раз я смогу получить неделю отдыха.

– В начале следующего года? Ты шутишь? То есть ты не приедешь на Рождество? – Ледяной тон, тихий голос. – Мы же решили воспользоваться рождественскими праздниками, чтобы все обсудить... как нам провести следующий год. Значит, я не увижу тебя до января... или до февраля?

– Я постараюсь приехать в январе. Не хотелось бы начинать здесь со скандала... только что приступил к работе. Я должен быть благодарен за то, что, по крайней мере, у меня тут появилась реальная возможность для карьерного роста. – Он был слегка раздражен, но попытался скрыть это, не желая подливать масла в огонь.

– Возможность!.. Тебе нужно снять шоры с глаз, Ари Тор... У тебя есть возможность наладить отношения и создать семью, разве не так? Между нами пятьсот километров. Пять сотен километров, Ари.

Едва ли наберется и четыреста, ну никак не пять сотен.

Но Ари решил, что сейчас едва ли подходящий момент для того, чтобы исправлять фактические ошибки.

– Я не могу по-другому... Они здесь давно работают, у обоих родственники...

Он сразу пожалел, что употребил это слово.

– Ну и что? У тебя самого разве нет родственников в этом городе? А я... а мои родители?

– Я не в этом смысле...

Пауза.

– Мне нужно идти. – Голос был тихий, почти испуганный. – Нужно идти, Ари, меня зовут. Поговорим позже.

Глава 9

Она не могла понять, что он собирается делать.

Ее одолевали ужасные предчувствия, мысли путались в голове. Была ли это кража со взломом или что-то похуже? Она подумала, что надо, несмотря на его предостережение, закричать, закричать изо всех сил, но мало кто услышал бы ее. Дома были отделены друг от друга большими садами. Она стала пленницей собственного благополучия здесь, в этом просторном коттедже, в тихом районе, где люди платили за то, чтобы изолировать себя от окружающего мира.

Он молча оглядывал гостиную. Она не смела проронить ни слова. Боялась смотреть на него. А он изучал комнату. Молча. Тишина была угрожающей, тишина и неизвестность.

Ну какого черта он молчит? Сказал бы хоть что-то, чтобы она не оставалась наедине со своими мыслями.

Она подумала о детях. Они давно вылетели из гнезда, обзавелись семьями, у них появились свои дети. Наверяд ли они навестят ее именно сейчас, когда она так в них нуждалась. Они редко навещали родителей, чаще всего летом и по большим праздникам.

Нет, она будет тут одна с этим неизвестным мужчиной.

Он стоял неподвижно и, казалось, высчитывал размер гостиной. Это была чудесная комната, прекрасно обставленная, словно картинка из модного журнала. На стенах две акварели – сельский пейзаж, стильный стол, изящный кожаный диван, старинный деревянный комод, доставшийся в наследство от родителей мужа, и, наконец, дизайнерское кожаное кресло, невероятно дорогое, которое она очень любила. Она чуть не задохнулась, когда он плюхнулся в кресло и царапнул подлокотник ножом, глядя в ее сторону. Он что-то хрипло сказал, всего одно слово, почти шепотом, словно не хотел, чтобы потом она смогла опознать его по голосу. Это был обнадеживающий момент, как и то, что он прикрывал лицо, – может быть, он хотел сохранить ей жизнь.

Она не расслышала и попросила его повторить. Он спрашивал об украшениях. Значит, он обыкновенный воршика, мелькнуло у нее в голове.

Она встала, покачнулась, постаралась вернуть равновесие и направилась в сторону лестницы. Большинство драгоценностей были в спальне на верхнем этаже – но самые дорогие муж спрятал в сейфе, в маленькой комнатке внизу, вместе с ценными бумагами, причем кода, чтобы открыть сейф, она не знала.

Он держал нож небрежно, но так, чтобы показать: он парень не промах, чтобы было видно, что он умеет использовать этот нож по назначению. Она стала подниматься по лестнице в спальню, он последовал за ней, его тяжелые шаги эхом отдавались в ее голове. Она поспешно показала ему шкатулку с драгоценностями; не было никаких причин оттягивать, – напротив, она надеялась, что он возьмет то, за чем пришел, и не станет ее трогать.

Он вытряхнул шкатулку на кровать и стал перебирать ее содержимое: обручальное кольцо, подарки на день рождения, свадебные подарки. Она подумала о муже. А если он ее не отпустит, если... Подумала о будущем, о тех золотых годах, которые они планировали провести вместе, путешествуя, глядя на мир...

И вот теперь этот чертов мерзавец все это разрушит? Нет, она этого не допустит.

Глава 10

*Сиглуфьордюр, воскресенье,
14 декабря 2008 года*

С тех пор прошло уже два года. Трудно поверить. Ари отчетливо, словно это было вчера, вспомнил, как он гулял по центру Рейкьявика в поисках рождественских подарков для Кристины. Эти воспоминания всплыли сейчас, когда он стоял у дома Углы. Звон церковных колоколов летел над фьордом, потом эхом возвращался обратно, и невозможно было определить, откуда идет звук. Ари непроизвольно обернулся и посмотрел на горы, ему показалось, что звук оттуда, а не от церкви. Потом он вспомнил тихий вечер в Рейкьявике на берегу озера Тьорнин два года тому назад.

Был конец семестра, но в тот вечер он не стал готовиться к экзамену по теологии, а Кристина осталась дома заниматься – она никогда не делала перерывов в подготовке. Ари решил погулять, купил в подарок ей две книги в магазине, который работал допоздна, и подошел к Тьорнину, прежде чем отправиться домой. Было необычайно тихо, и легкий морозец пробрался к нему под куртку, небо затянуло тучами, но в то же время было очень светло, праздничная рождественская иллюминация одолевала зимнюю темноту. Ари стоял на берегу Тьорнина, спиной к зданию парламента, справа высилась городская ратуша. Вокруг никого не было. Перед ним, одиноким зрителем, открывался вид на величественные дома, окна которых были украшены праздничными свечами, поблескивали огни рождественских елок; в девять часов зазвонили колокола. И в ответ на озере закричали утки. Ари стоял неподвижно, вдыхая морозный воздух, наслаждаясь царившим вокруг покоем, время замедлило свой ход.

И снова звучал звон колоколов, на сей раз в Сиглуфьордюре. Ари погрузился в воспоминания. Она положила руку ему на плечо, очень мягко, но он вздрогнул. Невольно вспомнил Кристину. Он не разговаривал с ней уже несколько дней. Но, конечно, это была не Кристина.

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

Перед ним стояла Угла, его учительница музыки, – в синих джинсах и белой футболке, – ей было двадцать три или двадцать четыре года, стройная, высокая. Казалось, она светила изнутри, но глаза у нее были грустными. Уличные огни играли в ее светлых волосах. Она улыбнулась в ответ:

– Может, войдем? Здесь ничего не стоит умереть от холода.

Две недели назад Ари наткнулся на объявление, висевшее в магазине. Ему всегда хотелось научиться играть на фортепиано, но не было для этого ни времени, ни возможности. Он оторвал бумажную полоску с номером телефона и именем и вот пришел на второй урок.

Он был тепло одет и заметил, что руки Углы покрылись пупырышками, когда она в своей футболке стояла на ступеньках лестницы.

Пиломоторный рефлекс. Когда Ари однажды признался Кристине, что у него мурашки по коже бегут всякий раз, когда он видит ее, именно так определила она его реакцию.

– Спасибо. – Он повесил пуховую куртку на крючок в прихожей и закрыл дверь. – Я, конечно, не упражнялся после первого урока, потому что у меня нет пианино. Наверно, я буду самым плохим из твоих учеников.

– Не переживай. Ты и самый плохой, и самый хороший. А кроме того, ты и самый первый мой ученик. Я до сих пор не понимаю, как так получилось, что я повесила это объявление. Старина Хрольвюр меня к этому подтолкнул.

– Тот самый Хрольвюр, писатель? – Ари был уже наслышан о старом корифее, который жил в этом городе.

– Да, замечательный человек этот старик. Тебе надо с ним познакомиться – попроси его подписать тебе книгу. Может, это будет его последний автограф... Правда, с возрастом он стал немного чудаковатым, но голова у него все еще светлая.

– Подожду немного. Честно говоря, я не читал ничего из того, что он написал.

– Тебе надо прочитать «Под сводом северных небес». Это шедевр, лучшее его произведение, изумительный роман. А кроме этого, он писал рассказы и стихотворения.

– Вот как, я и не знал...

Угла обрадовалась.

– Я дам тебе почитать. Эта книга с автографом, поэтому не выливай на нее кофе, пожалуйста! – Она улыбнулась. – А кстати, что-нибудь хочешь? Кофе?

– А чай у тебя есть?

Когда учился, Ари все время пил кофе, и его запах напоминал ему об экзаменационном стрессе и ночном бдении над книгами. В этом городе он собирался перейти на чай.

– Хорошо, садись, я поищу, нет ли у меня чая.

Ари сел в просторное красное кресло, сложил руки крест-накрест и стал рассматривать комнату. Во время первого урока Угла рассказала, что сняла квартиру со всей обстановкой, включая старое пианино. Это стало предметом пересудов, никто не мог понять, как это молодой девушке удалось обосноваться с таким шиком. Здесь витал дух старых времен. Прекрасный деревянный пол был покрыт коричневато-белым ковром с красивым узором. В комнате было две небольшие книжные полки темно-коричневого цвета, мастерски сделанные. Владелец дома, вероятно, увез с собой основную часть книг, осталось лишь несколько в мягкой обложке, детективы и любовные романы, и великолепно изданная книга «Под сводом северных небес» Хрольвюра Кристьянссона. На длинной стене за красным диваном висела репродукция известной картины, а напротив стояло пианино, погребенное под стопкой нот. Здесь и проходил урок.

Угла вошла в комнату с чашкой горячей воды.

– Надеюсь, я не нарушаю какого-нибудь закона, давая уроки музыки, у меня ведь нет на это лицензии. – Она протянула ему чашку с двумя чайными пакетиками и добавила извиняющимся тоном: – Вот все, что нашлось.

– Спасибо. Придется смотреть сквозь пальцы на то, что это незаконно. – Ари улыбнулся и опустил в горячую воду один из пакетиков. – У полиции есть много других увлекательных дел, кроме как преследовать учителей музыки, не имеющих лицензии.

Он вспомнил о своей работе, которая не отличалась разнообразием и в основном состояла из патрулирования на внедорожнике. Но здесь мало кому приходило в голову мчаться на бешеной скорости, во всяком случае, по городским улицам и уж тем более по заснеженной и опасной дороге по ту сторону тоннеля. Страх потерять жизнь намного сильнее, чем страх получить штраф за превышение скорости. Лишь однажды Ари пришлось заниматься серьезным транспортным происшествием, когда столкнулись два автомобиля, и дважды его просили разблокировать машину. Другое занятие было более привычным для полицейских: отвозить домой пьяных после обильного возлияния.

– Я сделаю себе еще кофе, – сказала Угла. – А потом займемся делом.

Урок должен был продолжаться сорок пять минут, но на предыдущей неделе после регламентированного времени Ари разговаривал с Углой еще не меньше часа.

В этом городе он чувствовал себя чужаком. Никто не проявлял желания разговаривать с ним просто так, без всякого дела. Когда он посещал фитнес-центр или плавательный бассейн, к нему никто не подходил, хотя все знали, кто он такой – новый городской полицейский, – и часто он ловил на себе лишь косые взгляды.

Однажды он собирался оштрафовать местного жителя за использование мобильного телефона за рулем.

– А кто ты такой, собственно говоря? Здешний полицейский? А вот я что-то ничего не слышал про нового полицейского, – заявил тот, хотя Ари был уверен, что водитель говорит неправду. – Может, ты украл полицейскую форму и автомобиль? – продолжил водитель и зло улыбнулся.

Ари проглотил обиду и улыбнулся в ответ.

– На этот раз только предупреждение, – миролюбиво сказал он, хотя внутри у него все кипело. – Но в следующий раз от штрафа не отвертись.

И дал себе слово, что в следующий раз он его точно оштрафует.

Горожане, в свою очередь, зорко за ним следили. Как-то во время поездки по городу на внедорожнике он забыл включить сигнал поворота, и при первой же встрече с Томасом он узнал, что на него поступила анонимная жалоба от автомобилиста.

– Тебе надо понять, что жизнь тут не сахар. Может, здесь и не бывает убийств или других крупных преступлений, но нянчиться с тобой тут никто не собирается, это не детский сад.

Ари казалось, что он остался один во всей вселенной.

Казалось, что он приехал в Сиглуфьордюр на выходные из другого города и застрял тут, потому что выяснилось, что он забыл купить обратный билет.

Вообще-то, он иногда разговаривал с Томасом и Хлинюром, когда они пили кофе в полицейском участке, но это была по большей части ни к чему не обязывающая болтовня о политике и спорте.

Угла – совершенно другое дело. Он понял это сразу. Она была радушной и гостеприимной, не жалела для него своего времени и внимательно слушала, когда это было необходимо.

Она принесла себе кофе. Непохоже было, чтобы она торопилась начинать урок музыки.

– Как ты себя чувствуешь в этом городе? – спросила она и снова улыбнулась.

– Мм... прекрасно, – ответил Ари, помедлив.

– Я тебя понимаю, поначалу это трудно, людей здесь так мало, они любят посплетничать, я это уже пережила... Мне помогло то, что я приехала сюда из Патрексфьордюра. Я знаю, как живут в маленьких городках, хотя все они разные. Вот здесь совсем другая жизнь, чем в Западных фьордах. Я не могу сказать, что тут комфортно – трудно подобрать слово, но здесь есть свой шарм. – Она улыбнулась, казалось, она пыталась подбодрить его.

В ней было что-то притягивающее, внушающее доверие.

– Я слышала, ты изучаешь теологию, – сказала она.

– Уже нет. Бросил.

– А лучше бы все-таки закончить, – подначила Угла.

Ари не проявил интереса к этому вопросу и сменил тему:

– А ты? Будешь поступать в университет?

– Да, – ответила она сразу. – Но не сейчас. Сначала надо кончить гимназию... Мне пришлось спешно уезжать из Патрексфьордюра... – Она замолчала.

Что-то было в ее жизни в Патрексфьордюре, о чем она, казалось, не хотела говорить.

После короткой неловкой паузы она продолжила:

– Может быть, я поступлю в университет в Акюрейри, а может быть, поеду на юг. Хотя мне, наверно, будет трудно прижиться в таком большом городе, как Рейкьявик...

– Не такой уж он и большой, вполне можно привыкнуть. Я живу в центре города, в районе порта.

Он разговаривал с ней, как со старым другом, что было удивительно, но всего ей не рассказывал. Не стал говорить и о Кристине. По какой-то причине ему не хотелось признаваться, что у него есть подруга. А так как Угла не спросила об этом, обошлось без вранья.

– Значит, для тебя это большая разница, – сказала она. – Хотя тут ты тоже недалеко от гавани, только другой.

Чего-то он в ней не понимал. Она жила вдали от родителей, но в ее глазах была какая-то печаль, которую нельзя было объяснить только этим фактом. Даже когда она улыбалась, глаза были грустные.

– И гор там нет... – сказал он и улыбнулся.

– Конечно. Они немного давят на людей, правда?

– Точно, – согласился он и поспешил сменить тему. – Ты останешься здесь на Рождество? – спросил он.

– Да, приедут родители и проведут здесь все праздники. Мама приготовит что-нибудь вкусное, рождественская кулинария – не сильная моя сторона.

По выражению ее лица он понял, что она радуется их приезду.

– Пожалуй, и не моя тоже, – сказал Ари с нарочитой скромностью. – Но я все же состряпаю что-нибудь неординарное. – Он сделал глоток чая, хотя тот был еще слишком горячим. – В сочельник я дежурю. Возьму с собой рождественское угощение и хорошую книжку.

– Грустная история.

Ари оценил ее сочувствие.

– Да, грустная, но у меня не было особого выбора.

– А твои родители приедут сюда на праздники?

Чертовски трудный вопрос. Ари не имел обыкновения объявлять людям, что он сирота. Не хотелось отличаться от других.

– Нет... Я потерял своих родителей очень давно. – Он посмотрел на нее и тут же отвел взгляд.

Смутившись, Угла опустила глаза в чашку с кофе.

– Прости. Я не знала, что ты...

– Все нормально. – Он добавил: – К этому привыкаешь.

– Это правда? – неожиданно спросила Угла.

– Что? – переспросил Ари.

– На самом деле привыкаешь?

– Да... Хотя на это требуется время. Это не происходит в одночасье. Но становится легче.

Со временем. Жизнь продолжается...

Угла молчала.

– А почему ты задала этот вопрос? – вдруг спросил Ари.

Она помолчала, снова опустив взгляд в чашку, потом посмотрела на него и сказала:

– Я потеряла... моего любимого несколько лет назад... Поэтому я сюда и переехала.

Чувство утраты было знакомо Ари не понаслышке, ему часто приходилось слышать слова сочувствия в свой адрес, и он никогда не мог подобрать нужных слов в ответ.

– Мои соболезнования, – сказал он, не зная, что еще добавить, и понимая, что его слова не имеют смысла.

– Спасибо.

– Как он умер?

– Ну... Мы пошли прогуляться, дело было в Патрексфьордюре, в субботу вечером. Там есть одно милое местечко. Он... Он – это Август. – Она помедлила, словно ей было трудно произносить вслух его имя. – Он поссорился с одним приезжим, который был очень пьян. Один удар, он упал и... уже не очнулся.

Она повторила:

– Всего-навсего один удар.

Ари видел, что ей тяжело говорить об этом и вместе с тем это приносило ей облегчение.

– Мне очень жаль, что так вышло, – произнес он. – Очень жаль.

– Спасибо, – ответила она совсем тихо.

Она отставила чашку и посмотрела на часы.

– Я не буду держать тебя весь вечер, – сказала она с нарочитой веселостью. – Не пора ли нам перейти к делу?

– Да, я попытаюсь вспомнить то, что мы прошли на прошлой неделе... Это будет не очень легко...

Он сел к пианино и положил руки на клавиши.

– Нет, не совсем так, – сказала Угла, мягко обхватила его правую руку и поправила ее.

Он покраснел от ее прикосновения, ощутив исходящее от нее тепло.

– Спасибо, так лучше, – сказал он и неожиданно понял, что между ним и Кристиной тысячи километров.

Глава 11

Он повысил голос и снова спросил, где они прячут деньги, достаточно громко, чтобы напугать ее, но недостаточно, чтобы его услышали на улице. Когда он спрашивал ее о деньгах в первый раз, она отдала ему свой кошелек. Она все еще была в плаще, в котором выбегала за рисом.

За рисом? Она совсем забыла о нем. И тут же она отбросила эти мысли, удивляясь, что может беспокоиться о рисе в такой момент.

Он сразу же быстро изучил содержимое кошелька, увидел, как мало там наличных, и снова спросил, где, черт побери, лежат деньги.

Она покачала головой. Тогда он спросил, где их сейф.

Она снова покачала головой, но взгляд, вероятно, ее выдал. Как кот во время охоты, он сразу почувял, что она лжет.

Он сделал шаг вперед, приставил нож к ее горлу и сказал, что дает ей возможность выбрать. Если она скажет, что у них нет никакого сейфа, он убьет ее прямо здесь и прямо сейчас. Водить его за нос он не советует.

Она заколебалась, но потом показала ему путь вниз по лестнице, по коридору, который вел к прихожей и дальше к маленькой кладовке. Сейф сразу там и обнаружился, когда он зажег свет – слабая лампочка осветила помещение; сейф был большой и внушительный.

Он посмотрел на нее.

Она поторопилась сказать раньше, чем он спросил, что не знает кода, придется ждать, когда вернется ее муж.

Он опять поднял нож. Сердце в ее груди стучало с бешеной силой.

Раздался телефонный звонок, и это, возможно, спасло или, по крайней мере, продлило ей жизнь.

Глава 12

Сиглуфьордюр,

Рождественский сочельник 2008 года

– Счастливого Рождества, командир! – радостно крикнул Томас и вышел на мороз.

Ари собирался ответить, но услышал, как закрылась дверь; нет смысла произносить рождественские поздравления, которые услышит только он, решил Ари. Он сидел один за компьютером в полицейском участке. На стенах были развешаны красно-белые бумажные гирлянды, а у входа стояла пластиковая рождественская елка, украшенная дешевыми безделушками, – таким было Рождество в полицейском участке.

А может быть, этого и достаточно – участок ведь не место, куда на праздник устремляется весь город. Ари был единственным, кто должен был здесь присутствовать, начиная с полудня в канун Рождества до полудня самого Рождества. Это будет одинокая, но хорошо оплачиваемая смена; сверхурочные работы приветствуются. Он напомнил себе, что при нынешнем состоянии страны он должен быть благодарен за то, что вообще имеет работу.

И все же не такого Рождества он ждал, первого Рождества после того, как они с Кристиной решили соединить свою судьбу. Впрочем, иногда ему казалось, что с их будущим не все еще ясно. Он перебрался в другой город, но она ехать с ним не пожелала. То, что она продолжала жить в его маленькой квартирке в Рейкьявике, тоже не было большим утешением. Его квартиру вряд ли можно было считать сейчас домом, как и Сиглуфьордюр – домом Кристины.

Ему хотелось послать письмо ей, позвонить, но что-то останавливало. Она *сама* должна позвонить ему. Ведь это он сидел сейчас одинокий и забытый в далеком городе, вдали от всех, кого он любил.

Окруженный гирляндами.

Снег за окном валил непрерывно. Ари по очереди смотрел то на снег, то в компьютер. Один раз вышел на тротуар, чтобы подышать свежим воздухом – воздух здесь был чище, чем в Рейкьявике, в этом не было никаких сомнений, – и немного расчистил снег перед входом. Ему не очень хотелось в первый день Рождества выходить отсюда через окно, так же как не хотелось просить чьей-то помощи, если бы вдруг поступил вызов.

Ари вспомнил слова Томаса.

Здесь никогда ничего не происходит.

Дни, по правде говоря, действительно были однообразными – патрулирование и пустяковые вызовы. Единственный серьезный инцидент был связан с несчастным случаем в море, когда матрос на борту корабля сломал ногу. И Ари получил задание опросить членов экипажа. Он сделал все возможное, чтобы записать подробности аварии, но далось ему это с трудом. Он подозревал, что команда намеренно старалась использовать побольше морских терминов, которые сбили бы с толку парнишку с юга, не имеющего опыта работы на борту корабля. Но Ари не стал идти у них на поводу, прося объяснений.

Он посмотрел в окно, тишина и покой воцарились над городом.

Накануне, в День святого Торлака, он посетил маленькую книжную лавку и купил только что вышедший роман, который был в списке его рождественских желаний. Собственно говоря, этот список существовал только в его голове, и даже Кристина не могла угадать, что в нем было, когда купила ему книгу на прошлое Рождество. Его родители всегда дарили ему на Рождество книгу. Исландская традиция читать новую книгу в канун Рождества и в ранние утренние часы была важна в доме его семьи. Когда родители умерли и в тринадцать лет он остался сиротой, то переехал жить к бабушке. С тех пор он стал покупать себе на Рождество книгу, которую особенно хотел прочитать.

– Тебе не возбраняется сходить сегодня домой часов в шесть и поужинать, при условии что ты возьмешь с собой телефон, – сказал ему Томас.

Дома Ари ждали все те же четыре стены и тишина. Поэтому ему не пришлось долго ломать голову, чтобы решить, что никакой необходимости тащиться домой нет. Утром он приготовил традиционный исландский рождественский ужин – копченую свинину, обернул ее фольгой и положил в пакет, добавив две банки рождественского эля, большую белую свечу, новую книгу и взятые в библиотеке музыкальные диски.

В этом году он не получил никаких рождественских подарков, даже от Кристины. Он попытался думать о чем-то другом, но его мысли все время возвращались к Кристине, и он чувствовал необъяснимую жгучую обиду. По правде говоря, он тоже не послал ей подарка. Он знал, что совершил ошибку, бросив ее одну, не обсудив с ней свою работу, но гордость не позволяла ему это признать. Они не разговаривали с тех пор, как он сказал ей, что не сможет приехать в Рейкьявик на Рождество. Ему было стыдно, что он ее подвел, и он боялся, что она все еще злится на него. В глубине души он надеялся, что она сделает первый шаг, свяжется с ним и скажет, что все будет хорошо.

Весь день он ждал почты, надеясь, что она пришлет ему небольшой подарок или рождественскую открытку. Наконец в почтовый ящик что-то бросили, единственную рождественскую открытку. Ари нетерпеливо разорвал конверт, сердце его стучало.

Черт!

Это была открытка от друга детства. Ничего от Кристины. Он попытался подавить разочарование и порадоваться тому, что его старый друг вспомнил о нем.

Время от времени он брал в руку телефон, внутренний голос нашептывал ему, что надо забыть о ссоре, позвонить ей и пожелать счастливого Рождества. Но он боялся ее холодного ответа. Лучше не звонить, чтобы не быть разочарованным.

* * *

Томас поправлял галстук перед зеркалом. Глаза у него были уставшими и грустными.

Он не понимал, почему его жена хотела переехать на юг.

Совершенно не понимал. Он что-то сделал не так?

Они были женаты уже тридцать лет. Осенью она стала намекать, что хочет уехать из Сиглуфьордюра. Перебраться на юг, поступить в университет и снова начать учиться. Она сказала, что он мог бы присоединиться к ней в Рейкьявике, если бы захотел. Для него это было безальтернативно – он не хотел уезжать из Сиглуфьордюра и не хотел бросать свою работу. Надеялся, что она передумает, но это было маловероятным.

– Разводиться, что ли? Ты хочешь развода?

– Нет... Я хочу, чтобы ты поехал со мной. – Ее тон ясно давал понять, что у него не было решающего голоса в этом вопросе. – Мне нужны перемены.

А ему не нужны перемены.

Они обсудили это с мальчишкой, с их Томми, вообще-то, он не такой уж и мальчишка. Взрослый парень, пятнадцать лет, с осени будет учиться в гимназии в Акюрейри. Их старший давно уехал, десять лет назад, – к ним, на север, заезжал редко.

Она согласилась подождать до весны, потом поедет в Рейкьявик.

Нужны перемены.

Он понял, что она никогда не вернется.

Томми уедет в школу – и он останется один.

Он попробовал сосредоточиться, стоя у зеркала, галстук был слишком коротким. Снял его, попробовал надеть еще раз.

Чертов галстук.

Она подарила его на Рождество в прошлом году.
Она никогда не вернется.

* * *

Часы показывали пять с небольшим, когда в полицейском участке зазвонил телефон. Ари вздрогнул.

В комнате до этого момента царил полная тишина, никаких звуков, кроме гудения компьютера и тиканья часов на стене. Им стала овладевать клаустрофобия, она становилась все больше по мере того, как усиливался снегопад за окном. Словно боги погоды пытались построить вокруг здания стену, через которую он никогда не смог бы пробраться. Ари видел, как все вокруг тускнеет, и внезапно обнаружил, что ему тяжело дышать. Это чувство быстро прошло. Он с надеждой подумал, не Кристина ли это, когда услышал звонок телефона, нарушивший тишину.

Посмотрел на свой мобильник. Дисплей был черным. Значит, звонил не его личный, а служебный телефон, лежавший на столе.

Здесь никогда ничего не происходит.

Ари подошел к столу.

– Полиция.

Тишина.

Но было ясно, что кто-то там есть. Ари посмотрел на номер, который высветился на дисплее. Звонок с мобильного.

– Алло?

– ...он...

Тихий шепот, невозможно определить возраст и пол говорившего.

Ари охватило беспокойство. Он не мог сказать, объяснялось это телефонным звонком или снегом за окном.

Кончится когда-нибудь этот снег?

– Алло? – повторил он, приложив все усилия, чтобы голос был громким и авторитетным.

– ...мне кажется, он хочет убить меня...

Ари почувствовал в голосе страх. Страх и отчаяние. Или не так? Может, это его собственный ужас, его собственная боязнь закрытого пространства и одиночества мерещится ему в голосе позвонившего?

– Что?.. Что вы говорите?

Связь прервалась. Он решил перезвонить. Ответа не было. Проверил по базе номер, тот был ни за кем не зарегистрирован, просто сим-карта, которую кто-то купил в магазине, может быть, в Сиглуфьордюре, а может, и в любом другом месте.

Ари не знал, что надо делать в этой ситуации. Подождал. Еще раз перезвонил.

На этот раз ему ответили.

Тот же самый свистящий шепот.

– Простите... Мне не следовало... Простите.

Связь прервалась.

Ари в растерянности посмотрел в окно.

Чертова темнота.

«Звони мне, если что», – сказал Томас перед уходом, в его голосе были слышны угрызения совести из-за того, что он оставлял новичка одного на Рождество в полицейском участке.

Половина шестого. Томас, вероятно, еще не успел переодеться к торжеству. Этот человек спокойно относился к жизни и никогда не спешил, в том числе и во время рождественских праздников.

Черт побери! Ари взял мобильник и позвонил Томасу.

– Алло? – прогрохотал в трубке знакомый бас.

– Томас? Это Ари... Прости, что звоню тебе в такой момент...

– Привет, привет! – ответил Томас, в голосе его была печаль. – Рождество начнется не раньше, чем ты к нему подготовишься, а мы все еще заворачиваем подарки. Хуже то, что пастор начинает службу ровно в шесть, и мы успеем только к середине. – Он невесело засмеялся.

– Нам поступил странный звонок, и я не знаю, что делать, – сказал Ари. – Звонивший, он или она, прошептал, что ему угрожает опасность или что-то вроде того... Потом, когда я перезвонил, оказалось, что это ошибка...

– Не ломай себе голову из-за ерунды, – произнес Томас совсем по-другому, усталым голосом. – Мы постоянно принимаем такие звонки, нас любят разыгрывать – это чья-то шутка... Детишки благословенные. – Он помедлил и потом продолжил: – А затем он – или она – сказал, что пошутил, когда ты отзвонился, так?

– Да... Да, вроде того.

– Тогда не беспокойся об этом. Это проклятие – дежурить на Рождество. Есть люди, у которых нет совести. Что ж, Преподобный, разве тебе не о чем больше подумать? Над проповедью там или трактатом... – И он снова натянуто засмеялся.

Ари тоже попытался улыбнуться, чтобы избавиться от неприятного впечатления, которое оставил у него шепот по телефону.

– Ну да... Мой привет семье.

– Передам.

– И счастливого Рождества! – добавил Ари, но Томас уже отсоединился.

Ари взял книгу, которую купил накануне, несмотря на обещание, которое он дал себе, не трогать ее до ужина. Он старался растягивать свои маленькие удовольствия, чтобы держать скуку под контролем. Ари прочитал несколько страниц, но понял, что смысл ускользает от него. Не в силах сосредоточиться, он встал и вышел наружу, на снег, и стал смотреть на горы. Чтобы пробиться через них, человек проложил сквозь них тоннели и сделал еще больше в борьбе с природой, соорудив мощные преграды на пути снежных лавин, настолько грандиозные, что казалось, их строили тролли, а не люди. Но победить снег и тьму было невозможно. Ари поднял лицо к небу и закрыл глаза, позволяя легким снежинкам оседать на его коже, одной за другой. Изнутри раздался звук телефона, и на этот раз не было сомнений, что он исходил от его собственного мобильника, а не от рабочего. Текстовое сообщение.

Кристина?!

Он стер с лица снег и в мокрых ботинках, из-за которых чуть не поскользнулся, бросился к столу. Старый, из светлого дерева, стол, вероятно, был самым элегантным предметом мебели в этом безрадостном полицейском участке. Его телефон лежал на столе; мигающий красный огонек означал, что его ждет сообщение. Этот крошечный огонек был сейчас более желанным, чем любая рождественская иллюминация.

Ари мгновенно забыл все телефонные разговоры, шепчущий голос, свои страхи и неуверенность. Он схватил мобильник и открыл сообщение.

Первой реакцией было разочарование. Не Кристина...

Номер был незнакомый. Ари с удивлением прочитал:

«Счастливого Рождества! Желаю получить удовольствие от дежурства!»

Под поздравлением стояла подпись отправителя: Угла.

Угла?

Угла не забыла послать ему рождественское послание, в то время как Кристина этого не сделала. Его раздражение из-за Кристины – ее непримиримости – постепенно уступило место восторгу от послания Углы, и мысль о ней вызвала у него улыбку.

Она, вероятно, была сейчас дома с родителями, готовилась к Рождеству и все же вспомнила о нем. Он послал ей ответное письмо с благодарностью и тоже пожелал счастливого Рождества. Когда он снова открыл книгу, то неожиданно обнаружил, что ему стало легче сосредоточиться.

* * *

Церковные колокола возвестили наступление праздника, и звон эхом разнесся по городу. Ари отложил книгу, достал свечу из сумки, поставил ее у окна и поднес спичку к фитильку. Затем отодвинул груды бумаг, чтобы освободить место для еды, и налил в стакан рождественского эля. Его мысли обратились к матери, которая на Рождество всегда готовила копченую свинину и включала одну и ту же музыку на старой пластинке, прежде чем о Рождестве вещали колокола, которые звучали по радио в начале общенациональной трансляции рождественской мессы.

Ари вынул компакт-диск из сумки и поставил его в старый, но исправный плеер, который был в упаковке. Прибавил громкость прежде, чем заиграла музыка. Он точно знал, что хотел услышать: ларго из «Зимы» Вивальди.

Наступило Рождество.

Глава 13

Мобильник в кармане ее плаща... почему она не воспользовалась им? Почему потихоньку не позвонила в полицию? Нужно было набрать три цифры... Черт! Но думать об этом было слишком поздно, телефон уже звонил – в кармане плаща, невероятно громко.

Он решительно отдернул острое лезвие от ее шеи, задев кожу, она непроизвольно схватилась рукой за рану и поняла, что там лишь царапина.

Он вынул телефон из кармана, посмотрел на него и показал ей дисплей. От мужа, который хотел поговорить с ней перед посадкой в самолет.

Она попросила передать ей телефон – сказала, что муж станет беспокоиться, если она не ответит.

Она прекрасно знала, что это неправда, – муж звонил ей по мобильнику, а не по их стационарному телефону, потому что прекрасно знал, что если она ляжет спать, то на мобильном телефоне отключит звук.

Мужчина помедлил, пытаясь понять, говорит ли она правду. Мобильник продолжал звонить, казалось, каждый звонок был громче предыдущего.

Затем он посмотрел на нее и неторопливо сунул телефон в карман своей кожаной куртки.

Снова спросил про код на сейфе и получил тот же ответ.

Он стоял неподвижно, не сводя с нее глаз, и вопросов не задавал.

Глава 14

*Сиглуфьордюр, четверг,
8 января 2009 года*

Угла сидела на старом кухонном стуле с изношенной желтой обивкой. Затем она медленно поднялась и молча посмотрела прямо в глаза мужчине, который стоял рядом. В его густых черных волосах еще не было седины, хотя на вид ему было лет сорок. Угле казалось, что в выражении его лица есть что-то странное; глаза у него всегда были немного прищуренные и как бы говорили в одно и то же время: «Иди сюда!» и «Не подходи ко мне!». Угла немного приблизилась к нему, он притянул ее к себе и страстно поцеловал.

Ульвюр, режиссер спектакля, захопал, и звук аплодисментов прокатился по залу.

– Прекрасно. Я думаю, что к субботе мы будем готовы.

Было уже поздно, а репетиция шла с пяти часов.

– Посмотрим, что получится, – тихо, но твердо сказал на балконе Хрольвюр, руководитель «Актерского содружества», который сидел там вместе с Пальми, автором пьесы, наблюдая за репетицией. – Посмотрим, что получится, – повторил Хрольвюр.

Угла и Карл все еще стояли на сцене в ожидании дальнейших указаний режиссера. Замечание Хрольвюра, казалось, его обескуражило.

Репетиция проходила в театре на Адальгата, там же, где будет показан спектакль. В фойе на стене висели старые плакаты, черно-белые афиши первых спектаклей «Актерского содружества», начиная с момента его основания – середины прошлого столетия.

От главного входа можно было через коридор войти в зрительный зал, где располагалась сцена, по левую сторону от нее шла лестница на балкон. В зале рядами стояли стулья, все было готово к субботнему спектаклю.

* * *

Карл быстро спустился со сцены. Он постоял, ожидая, когда режиссер объявит о конце репетиции. Не стоило обижать его накануне премьеры. Ульвюр, бесспорно, наслаждался тем, что он главный, что спектакль – его детище. Единственным человеком, который не высоко ценил его авторитет, был руководитель «Актерского содружества», сидевший во время всех репетиций на балконе, наблюдая за происходящим и бросая короткие критичные замечания.

Если Ульвиору нравилось руководить, то Карлу – стоять на сцене, ощущая себя звездой, в лучах рампы, под шум аплодисментов, сверху вниз взирая на зрителей. Главная мужская роль в спектакле давала ему все это в избытке.

Карл вынул из кармана мобильник и послал сообщение Линде, которая ждала его дома: «На репетиции, еще около часа. Увидимся вечером». Это было рискованно, но он чувствовал себя лучше всего именно тогда, когда рисковал.

Он и Линда приехали на север полгода тому назад и поселились на Тормодсгата. Сняли квартиру там, где им посоветовали работники больницы, куда Линда устроилась медсестрой.

Карл не получил ответа от Линды. Она была на дежурстве и в таких случаях обычно не отвечала. С другой стороны, хороший повод отбояриться репетицией, если ей вдруг захочется позвонить ему, а он не ответит. Потом он с улыбкой набрал еще одно сообщение, уже не Линде.

– Я думаю, на сегодня хватит, – сказал Ульвюр, как положено в таких случаях, строгим голосом. – Увидимся завтра. Будем работать весь вечер. Чтобы довести все до идеала. – И еще раз повторил с ударением: – До идеала.

Карл поспешно попрощался со всеми и нырнул в темную зимнюю ночь.

* * *

Пальми сбежал по лестнице с балкона и встретил Ульвюра, выходявшего из зала. Оба они, оказавшись на пенсии, нашли для себя новое приложение сил в деятельности «Актерского содружества». Раньше Пальми был школьным учителем, а Ульвюр работал в системе Министерства иностранных дел.

– Почему бы нам не посидеть где-нибудь и не обсудить наши дела? – спросил Ульвюр. Он посмотрел на спускавшегося по лестнице Хрольвюра и решил подождать его. – Хрольвюр, может быть, пригласит нас к себе; выпьем немного, заодно и хорошенько поговорим. – Он улыбнулся и перешел на шепот: – Или хорошенько выпьем и немного поговорим!

– К сожалению, я не могу, – печально ответил Пальми. – В этот раз не могу, завтра ко мне приедут гости.

– Гости?

– Да, немолодая дама из Дании по имени Роза. Приедет вместе с сыном, они собираются провести здесь около недели. Я не могу ей отказать.

– Ах вот что... И ты будешь как-то развлекать их все эти дни?

– Я не думал об этом... Она сказала, что у нее нет особенных дел, просто хочет отдохнуть и получить удовольствие от того, что наконец побывает здесь.

– Это родственники?

– Нет, но она хорошо знала отца и встречалась с ним в Дании...

– Вот как... И что?..

– По правде говоря, понятия не имею. К тому времени, как он переехал в Копенгаген, между ним и моей матерью все было кончено. Я не имею привычки задавать слишком много вопросов, хотя, полагаю, мне следует воспользоваться возможностью и узнать, чем он там занимался, прежде чем заболел туберкулезом. – Пальми сделал паузу, потом продолжил: – Хрольвюр, кстати, тоже был в Копенгагене в это время, но, кажется, не очень много общался с отцом, хотя в свое время здесь, в Сиглуфьордюре, они очень дружили.

– Да, расспроси ее хорошенько, не часто предоставляется такая возможность. Надеюсь, старушка не утонет здесь в снегу.

– Я тоже на это надеюсь.

Пальми похлопал Ульвюра по плечу и распрощался с ним.

* * *

Лейвюр Торлакссон, разнорабочий «Актерского содружества», быстро убрал реквизит и поспешил в магазин, едва успев до закрытия. Он был единственным покупателем. Без особого интереса он осмотрел содержимое витрин с холодильными установками. Его внимание привлекла табличка со специальным предложением: «Говяжий фарш по ценам четверга». Звучало заманчиво. И выглядело это более соблазнительно, чем лежавшие рядом жалкие куриные голени и дряблые куриные грудки.

Лейвюру было за тридцать, и ему очень нравилась его работа в «Актерском содружестве». До премьеры оставалось всего два дня. Театр был прекрасным способом заглушить воспоминания, и Лейвюр был особенно рад тому, что премьеры состоится в тот день, когда ему определенно понадобится отвлечься. Пятнадцатого января.

Эта дата запечатлелась в его памяти, как и другая – в канун Нового года более двадцати лет назад. Ему было одиннадцать лет. Рождество его привлекало тогда гораздо меньше, чем новогодняя ночь с фейерверками. На тот момент он был достаточно взрослым, чтобы помочь

отцу и старшему брату запускать петарды. Он ждал этого дня несколько недель. Его семнадцатилетний брат Арни в тот год руководил подготовкой к Новому году и специально скопил денег, чтобы купить побольше петард, чем обычно. А потом Лейвюр заболел гриппом, и родители категорически отказались выпускать его из дома, чтобы принять участие в празднике, обрекая тем самым наблюдать за фейерверком через окно. А это совсем не одно и то же, что видеть их воочию в темноте зимней ночи. Слишком взрослый, чтобы плакать, Лейвюр, исполненный разочарования и жалости к себе, заперся в своей крошечной спальне в задней части дома и выглядывал из окошка, когда рядом вспыхивали огни фейерверков, но решительно отказывался выходить из своей комнаты, чтобы посмотреть главное торжество, которое проходило перед домом.

В последующие дни семья Лейвюра не раз вспоминала, как хорошо Арни справился со своей задачей и как здорово все у него получилось, но Лейвюр по-прежнему пытался убедить себя, что уединиться в своей комнате было правильным решением. Конечно, Арни догадывался о подлинных чувствах брата и пытался подбодрить его; пообещал, что в следующем году они будут вместе запускать петарды. Но это была их последняя совместная новогодняя ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.